

Василий Аксёнов

ФЛЕГОНТ,
ФЕВРУСА
И
ДРУГИЕ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ФЛЕГОНТ, ФЕВРУСА И ДРУГИЕ

*(Не рассказ, не повесть, не роман,
просто честный отчёт
об одной случившейся
поездке и рыбалке)*

*С благодарностью Виктору Сергеевичу Максимова,
уроженцу и патриоту первопроходческого
села Маковского, бывшего Маковского острога*

1

*Если Бог пошлёт мне читателей, то, может быть,
для них будет любопытно узнать, каким образом ре-
шился я написать этот отчёт.*

Да просто так. Решил вот, и решил.

Как один день, вроде и был, вроде и не было, –
если смотреть отсюда вот, от этого момента, –
прошёл июнь.

Безоблачно и знойно.

Не Андалусия. Не городок Юма, штат Аризона.
Не пустыня Гоби или Сахара. И на тебе. И у нас
тут, в Восточной Сибири, оказывается, в геогра-
фическом центре России, может не день, не два,
а месяц простоять безоблачно и знойно.

Ну вот, случилось и у нас.

Мы и забыли уж, как тучи выглядят, на что по-
хожи облака. Тогда – в июне. После напомнило
нам лето. Но это после.

Веял и ветерок, случалось и такое, но еле-еле,
что даже сникший лист не шевелился на осине –

на той всегда, какое ни стояло бы затишье, после известного удушенника, листва дрожит, – едва-едва, настолько вяло, будто не веял, а вздыхал, вспомнив вдруг что-то невесёлое.

Для нас – на редкость. Для яланцев. Обычно – холодно и сыро, с нагонным резким сиверком, *полуночником*, как говорят здесь, или, как называют его здесь же, *мокрогузым закáтником*, коварно напозающим с западной стороны – *гнилого угла*.

И угоди – хоть так, хоть этак – нам всё неладно. В рай помести, и там нас что-нибудь да не устроит, быстро найдём, к чему придраться. Не сомневаюсь.

Посетовали, поворчали. Не без этого. Больше, конечно, старики. У тех то *кости ломит*, то *давление скачет*, и всё у них не немощь собственная, а погода виновата. На то они и старики. Ещё и дачники, приезжие, да огородники из местных – у тех и *сил уж нет, замучились с поливкой*. Ты посмотри-ка, как изнежились.

И мне – хоть и не посажено и не посеяно на моём обширном, в полгектара, доставшемся от родителей земельном *владении* никакой мелочи, только картошка да сами себя сеющие – наследство мамино – укроп и лук-батун, а те не надо поливать, – и мне такое пекло в тягость. Весь день в лёднике или в погребке не просидишь. Одно спасение – на речке. Благо тех много рядом, есть и родниковые, и в основном на них желанная в такие дни прохлада; не досаждал бы гнус, не заедал бы...

Это я зря, не знаю, как и вырвалось. Гнуса не стань, туристы одолеют. Лучше уж комары, мошка, мокрец да пауты и слепни – к ним мы привыкли. И как спастись от них, приноровились. А от туристов?.. Ну не травить же. Не отстреливать. Хотя порой, по речке в лодке проплывая, глянешь на галечную или песчаную косу, загаженную ими после обеденного отдыха или ночёвки...

Но не об этом.

Трава уже тогда пожухла, в начале лета, едва пробившись. В самой Ялани и окрест её поляны, особенно на склонах, обращённых к югу, пожелтели. Скучно бродить по ним скотине, щипать несочное быльё. Днём ни одной на косогорах не увидишь, даже и малого телёнка. В лесу, в дубровах затенённых кормятся, без пастуха, медведя не боятся.

Вконец, холеры, обнаглели, что им и зверь уж ничём.

Лишь густо поселившейся в заброшенных, оставленных людьми палисадниках и огородах рослой конопле – той хоть бы что, не побледнела, зелёной смолodu была, и снег её застанет в том же цвете; вот до весны, известно, так не достоин, не выдержит морозов лютых – и поблётнет.

И не об этом.

Беда случилась у меня: сарай сгорел.

Не новый. Я ещё службу срочную на флоте проходил, когда отец его соорудил, – давно – горбыль на крыше лишаём уже покрылся. Не от палящего

нещадно солнца, не от зароненной искры воспламенился, не от окурка. А от ветхой проводки, многократно пережившей срок своей годности. То есть – беспечности моей: на всё время находилось – на рыбалку и на долгое застолье с посетившими меня друзьями, – а чтобы заменить старый, советский ещё кабель, не удосужился и часу выбрать... И получи вот.

Сгорел, слава богу, не полностью. Крыша и частично стены. Лиственничные столбы и балки сохранились, только обуглились и закоптились, при этом прочность не утратив, век простоят, ещё и дольше, а потому мне и менять их не понадобилось. Ещё и вот что утешает: зато не будут теперь гнить. Если и специально обжигают. Я не про балки – про столбы. Давно известно.

Июль прошёл. И тоже насухо и жарко. Прямо как в Африке, а не в Сибири.

С парными, душными ночами. Уснуть, как бы ты за день ни *умаялся*, ни уходился, только в прохладных сенцах можно было, на полу, а в избе, на кровати – под мокрой простыней. Но та быстро высыхала чуть ли не до хруста, и, чтобы снова намочить её, вставать за ночь, пусть и северную, короткую, приходилось несколько раз – какой тут сон, мучение сплошное.

Перетерпели и июль, остались живы.

Весь месяц восстанавливал постройку.

Усердно. Чтобы перед родным, земным родителем предстать в Вечности, когда подойдёт и мой

срок *приложиться к отцам*, со спокойной совестью, с чувством исполненного долга, глаза не пряча от стыда. Даже и на рыбалку редко бегал, в самый жор окуня и щуки. Кто меня знает, тот поймёт, чего мне стоила такая жертва, – глядя на стоящий без дела в углу веранды спиннинг, зубы стискивал, чтобы желание утихомирить, или, как выразилась бы по отношению ко мне же моя бабушка Анастасия, свою хотелку обуздать. И с этим справился.

Восстановил.

Потратился изрядно.

Кто нынче строится, того не удивишь. Гвозди, профлист, доставка, саморезы. За одни распиленные, но необработанные еловые и пихтовые доски выложил пятнадцать тысяч. Ещё найти, где их купить, – это в таёжном-то краю, – сложно решаемым вопросом оказалось. И пилорамы есть, в Ялани только две – печки зимой народ отходами, *лапшой* бесплатной топит, так её много, – с досками плохо. *Бум строительный, однако. И всё-то плохо мы живём.* Надо заказывать заранее, недели за две. Ждать я не мог, не тот характер.

Приобрёл у таджиков (и не смешно уже, а горько – у таджиков!) в Полоусно, соседнем посёлке, *сороковку*, на самом деле – разномер. К дому на КамАЗе подвезли, грудой свалили, а когда дня через два или три под навес доски начал перетаскивать, тогда и понял, что *надули*. Разбираться не стал – раньше надо было думать, пока им деньги не отдал, после-то что уж...

Но обошёлся тем, что приобрёл. И на стены хватило, и на крышу. И на забор ещё осталось. Покопилось несколько пролётов, менять надо, а то завалится совсем – коровы ринутся в ограду. Не из-за голода, конечно, – нечем в моей ограде поживиться им. Из любопытства.

Такие твари, чище человека. Тот хоть немного, может, где и постесняется, этим и стыд глаза не ест.

И уж не нынче, займусь забором следующим летом, если, конечно, доживу.

А почему так с досками-то худо? Не из-за бума только. *Всё кругляком в Китай увозят.* Кругляк, кругляк. Облый лес, как говорили в старину. Беда, я думаю, не в кругляке, не в облом лесе. Как не в клозетах...

Но, так или иначе, скоро про наши места будут говорить: «Когда-то здесь простиралась глухая тайга, чуть лишь пощипанная, в меру, при монархии и при советской власти», – совсем скоро, лет через десять, то и меньше. Если и дальше так пойдут дела.

«Родились в тайге, – сетуют яланцы, – помирать будем в пустыне. Ну, не в пустыне, так в осиннике – тот скор на вырост, как сорняк».

А что осинник? Пусть не пустыня, но и не тайга, с которой мы сжились за сотни лет, срослись с которой...

Но не об этом, о другом.

Дотла сгорел бы мой сарай.

Дома меня на тот момент, *как на притчу*, не было – азартно, но безуспешно, с утратой в резуль-

тате уловистой блесны Blue Fox и сломанной без надежды на ремонт безынерционной японской катушкой Shimano Hyperloop охотился на перекатистой Тые, левом притоке Кеми, за *трофейным* тайменем, то и дело рвущим у рыбаков леску и сети, – соседи, два брата-погодка, сыновья моих покойных одноклассников, вовремя увидели и потушили. Воды – как без неё тушить? – хватило: колонка тут же, во дворе, – спасло. Даже пожарников из города не вызывали. Ни на дом, ни на другие рядом стоящие строения огонь, к великой радости, не переметнулся.

Отблагодарил братьев. Двумя литрами водки. В Енисейск за ней специально ездил, в *путный* магазин с добрым названием «Хороший». Без меня и выпивать не согласились братья, скромные: тушили мы, мол, но сарай-то твой, оно и верно – был вынужден помочь, к утру управились совместно и благополучно. Солнце и не взошло ещё, а я уже был у себя, в кровати. Без мокрой простыни уснул, спал до обеда. Взявшийся невесть откуда *советский* ещё трелёвочник, сотрясая землю и отзываясь тревожно в стёклах окон, прополз натужно мимо дома – разбудил. Лесу уж нет вокруг – куда среди бела дня подался? На место совершённого им в недавнем прошлом преступления потянуло его железную душу?

Что ж не подумать так спросонья-то, я и подумал.

Наступил – неминуемо – август.

На Илью-пророка, второго числа, когда *святой пописал в речки*, запретив таким необычным образом людям в них купаться, когда громкоголосая кукушка, с лёгкостью и успешно *вырастив* своих птенцов, перестала куковать, разразилась, как положено для наших мест – из года в год так повторяется, – гроза.

Илья без грома не бывает.

Будто рвалась, удерживаемая кем-то или чем-то насильно, рвалась, назрев и перезрев, в наши места из дальних палестин – оно и впрямь, ни капли с неба за два месяца не брызнуло, не громыхнуло, не сверкнуло, – и, всё же вырвавшись, на нас напала. Не абы как – остервенело.

А с ней, с грозой, как адъютант или денщик, и шквальный ветер заявился.

Ох, покуражилась, как скажут наши старики, подиковала. Одно название – *бяда*.

Повалило в тайге – легальных мало нам и *чёрных* лесорубов – деревья престарелые и неустойчивые, просеки целые пробило. На покосах разметало и пролило насквозь, *до одёнок*, смётанные, но не усевшие ещё стога и зароды – сушили после, перемётывали. Оборвало упавшими лесинами в нескольких местах по электрической линии провода.

Света не было в Ялани двое суток, пока наладили. Без холодильника – в жару такую! Без телевизора – уж ладно. Но и к тому уже привыкли, – вечер и летний пусть, но надо как-то коротать, – *солнце не село, спать не ляжешь*.

У кого-то сдёрнуло с крыши листы жести или шифера. У соседей, братьев, трубу кирпичную разрушило. Несколько кирпичей и за ограду даже выкинуло. Одним из них – стекло, не лобовое, в левой дверце, у «Тойоты-Камри» выкрошило – кирпич лежал на пассажирском кресле. Прозрачным полиэтиленом, закрепив его чёрным скотчем, затянули временно, а для замены полноценной – *карман пустой пока, давно не пополнялся*. На вахту осенью поедут, *на севера́*, пополнят – тогда и *родное, тойотовское* купят, вставят. Тут ли, в районе нашем, что-то подвернётся, и *закальмят*. Кто б сомневался, закальмят – мастеровые, как Левша.

Моё поместье обошла стихия, пощадила. Может, учтя ущерб мой – погорельца. За что я ей премного благодарен. Лист толстой и громоздкой фанеры – лаз в по́гребок, по-нашему – ямку, где храню зимой картошку, прикрывал – в овраг забросило, в крапиву. Весь и ущерб. И то нашёл потом, вернул его на место. Но, что скрывать, по-нервничал изрядно, когда сверкало ослепительно и громыхало беспрерывно... ещё ж и ветер страсть как буйный.

Куда деваться, пережили.

А пятого августа, в день рождения моей матери, царство небесное, позвонил друг детства, Пётр Николаевич Головач, проживающий теперь в Енисейске, в тридцати километрах от Ялани, малой, скромной и, к великому нашему огорчению, вымирающей – как моей, так и его – родины.

Бывший лётчик. Скорее – пилот. *Окончил Омское... с отличием.* Хотя и гражданской вроде авиации, но в девяностые, *святые* или смутные, *будь они неладны*, – как сообщает под стопочку, таинственно прищуриив попорченный глаукомой левый глаз, Пётр Николаевич каждому новому собеседнику, а собеседнице особенно, – летал он штурманом и в *горячие точки*, с *грузами*. В какие *точки* и с какими *грузами*, не открывает. Спросишь, ответит сдержанно: да, дескать, в разные и с разными... давал подписку, мол, не разглашать. Допытываться, чтобы в шпионы не определили, не станешь – не у дедушки украсть махорки, *государственная тайна*. И любопытства непомерного, в отличие от коров, в нас нет: тайна так тайна.

Однажды где-то в Центральной Африке их самолёт Ан-26, «аналог, – всегда поясняет Пётр Николаевич, – Ан-24», прямо на аэродроме обстреляли какие-то мятежники, но «удалось взлететь и смыться, и вот я, слава богу, перед вами».

Так оно, наверное, и было. Приукрасить – не преувеличить! – Пётр Николаевич, туману жиденького ли нагнать, конечно, может, а в женском обществе голосом вкрадчивым, под перебор гитары звонкой уж и тем более, ну а соврать – так это вряд ли. Не вчера с ним познакомились, в меру друг друга изучили. Жили на одной улице, учились в одном классе, вместе ходили на рыбалку, плечом к плечу *рубилась с городскими*, приезжавшими в Ялань на мотоциклах с одной лишь целью – подраться, даже зимой, в морозы *кляшшые*, и якобы на танцы.

А потому уверенно и повторяю: предпочитает Пётр Николаевич, мой друг детства, говорить правду, только правду, совсем немного, может, приукрашенную. Как у художника. У рыбака ли.

И я рыбак. Но я предельно честен в каждом слове, без прикрас. А как иначе? Начни немного прикирывать, пусть даже в малом, вроде бы художественном, тогда и веры мне не будет. Мне это надо? Нет, не надо. Вот я и честен.

Позвонил Пётр Николаевич, о моём здоровье (*не болит ли голова?*) из вежливости справился, на своё (*после вчерашнего*) коротко пожаловался, мою мать, *тётку Елену, именинницу*, которую он *очень уважал*, помянул добрым словом и пригласил меня на Кеть с ним съездить. Он в одиночку, дескать, ехать не решится.

Остановиться есть там у кого, мол, – не под открытым небом ночевать, на пустоплестье не придётся табариться. *Вдруг задожжит-то – не молоденькие*. Оно и верно, не мальчишки.

Водитель танкетки, что туда отправится и которая стоит уже, задрал в азарте нос, наготове в Ялани, напротив обшарпанного, с пятнами-ранами красного кирпича остова бывшей церкви Сретенья Господня (раньше в ней, с сорокового года прошлого столетия, располагался гараж МТС, теперь впритык к ней устроена *мазутная* стоянка для тягачей, погрузчиков-манипуляторов и лесовозов), – *добрый знакомый* Петра Николаевича. С ним он уже договорился – возьмёт, мол,

место нынче будет. Дней через пять тем же путём и с ними же обратно.

На Кеми рыбачить нам стало не то чтобы скучно, но не так интересно. Всё изведано – омуты все и перекаты – в досягаемой для нас зоне, не там, конечно, куда ворон костей не занашивал, не по всему течению реки. Это как ночью сворованный в чужом огороде огурец вкуснее, чем сорванный среди бела дня в своём, лом в чужих руках толще. Девки ли в другой деревне краше. Вроде этого.

На притоках Кеми дебри по берегам непролазные, любым джунглям фору дадут – тальник, черёмушник, белоголовник, малинник, крапива, чапыга, – в такую духоту там и остаться можно, то есть – *окочуриться*; будем ждать зазимков, чтобы *харюзовать* на этих малых речках, – и жар спадёт, и трава поникнет, и листва поредет, и комаров уже не будет, и нормальные да здоровые медведи в берлоги залягут.

В Кети, правом притоке Оби, рыбы, конечно, больше, чем в Кеми, левом притоке Енисея.

И в Кеми когда-то её было полным-полно, ведром хоть черпай. Молевой сплав поубавил. На него больше пеняют. Другая ли какая причина повлияла – помха какая с неба пала, всё потравила, сказала бы моя бабушка. Может быть, и *помха*, мало ли, многое в жизни повидала моя бабушка, пустое не говорила. И на Кети немного поселений, от одного до другого и клюкой бабке не дотянуться, крупных вообще нет, внизу разве, ближе к устью.

А по Кеми – по берегам деревни, сёла, да и два города поблизости. Меньше там, на Кети, поэтому и рыбаков – немаловажно. Туда не просто летом и добраться. Правда, кетская рыба не такая вкусная, как наша, *щепы щепой, да тиной пахнет*, и благородной нет – ни хариуса, ни ленка, ни сига, ни тайменя. Одним словом, рыба в Кети только сорная. Но язи и окуни, пусть и *тиной пахнут*, попадают *знатные*. А щуки, по рассказам бывавших там рыбаков, в том числе и самого Петра Николаевича, такие, что *рвут любой крепости шнур или леску, пусть и японскую, как паутину*.

И удержишься тут от мечтаний.

На Кети ни разу не был, с сараем управился, дел особенных и неотложных по хозяйству успешно не вспомнил, скотины нет, собак и кошек тоже не завёл – заботиться о них не надо, порыбачить на рвущую любой шнур и леску щуку представилось заманчивым, и я охотно согласился. Когда ещё, решил, придётся? А тут оказия – грех отказать.

Женат Пётр Николаевич на Шуре, Александре Артемоновне. Старообрядке. Какого согласия-толку, не скажу, тех в нашем обширном районе хватает. От поповцев, беспоповцев, поморских, часовенных, бегунов, голбешников, подпольщиков, скрытников, федоринцев и до каких-то дырочников, если такие существуют, а не выдумал их кто-то, как эльфов или хоббитов. Может, и хоббиты, и эльфы существуют, я с достоверностью не знаю. Сдаётся мне, что Шура из часовенных. Родом она

как раз с того, *кефжацкого*, края. Родни у неё по Кети *немеряно* – семьи у староверов многодетные. А направимся мы с Петром Николаевичем к её родителям, а его, Петра Николаевича, – теще, разумеется, и тестю.

В Ялань он, Пётр Николаевич, прибыл за день до отправления. К вечеру. *Привёз с собой* – в Ялани магазина нет. Когда-то было целых два. И два ларька ещё вдобавок. Запасов я не держу – сами они не держатся ли, а точнее, незаметно как-то исчезают, бывает,хватишься, и нет, – самогонку не варю – хлопотно. А покупать здесь у кого-то *неиспытанную* Пётр Николаевич *не рискует*. Кота в мешке, мол. Да и вправду.

Посидели. Но не очень. Рано вставать, собираться и при этом ничего не забыть, прежде всего – рыболовные снасти, а то случалось... когда с *тяжёлой головой*. Об этом как-нибудь и расскажу, но не сейчас.

Поднялись затемно. Завтрак – ещё с вечерних посиделок оставалось – разогрели. Перекусили. Пётр Николаевич – с аппетитом, как всегда, я – поклевал, как говорила мама, в горло у меня с утра кусок не лезет. По стопке приняли, конечно. За удачное путешествие. Ещё по стопке – за рыбалку. *И всё на этом*.

Вспомнил вдруг Пётр Николаевич, что Иван Александрович Гончаров где-то писал, что в России нет путешественников, всё проезжие. Пришлось исправить дело – *принять на грудь* ещё по стопке – *за проезжих*.

Всё – это крайняя.

Железно.

Сдержали слово.

Чаю крепкого попили. Собрались.

Проверили по составленному заранее списку – ничего вроде не упустили.

И тут так.

Когда Пётр Николаевич сходил зачем-то огород мой *посмотреть*, будто его не видел раньше, скоро вернулся, и мне показалось, что выпил он, друг мой, не три, а пять стопок – ещё и *стременную*, и *седельную*.

Ничуть я этому не удивился. И не сказал ему ни слова. Мне с ним, как говорят, не целоваться. А на танкетке пассажиром можно ехать и такому – навеселе. Там из *корзины* трудно вывалиться.

К десяти часам, закинув за спину рюкзаки, повесив на плечи каны и взяв в руки за обе лямки мешок с лодкой и спиннинги, направились мы к месту сбора.

Водительские права и ключи от квартиры и зажигания Пётр Николаевич вчера ещё в дом занёс, а «Ниссан-Альмеру», на котором и приехал, оставил возле берёзы, недалеко от ворот, рядом с моей «Нивой».

Никто тут до наших машин не коснётся. «Нива» всегда стоит открытая. Даже бензин за всё время ни разу не слили. Ключ из замка не вынимаю. Соседи, если меня нет дома, а им срочно понадобилось, могут на ней и за водой с флягой

на родник съездить. Или бревно на столб или балку, лесину ли сухую на дрова к дому подтянуть. Оговорено. Просто так, конечно, ради баловства, *девчонок* на ней *не катают*, в магазин за выпивкой не гоняют, у самих есть на чём – на *иномарке*, пусть и с заклеенным пока скотчем боковым стеклом.

От Ялани, бывшего Сретенского острожка, до Маковского, бывшего Маковского острога, предстояло нам проехать волоком, пробитым в самом начале семнадцатого столетия служивыми людьми, стрельцами сотника *черкасца* Василия Рукина и сына боярского Петра Албычева, *мансийского князья*. Малым, но непростым участком на единственном тогда пути в Китай. Волоком, по которому переправлялись грузы, почта, войска, переселенцы и ссыльные. По которому и протопопа Аввакума, *яркослового невольника*, с его детьми и верной женой Анастасией Марковной на Байкал доставляли. И многие известные люди – от Семёна Ивановича Дежнёва, казачьего атамана и торговца мехами, устюжанина землепроходца Ерофея Павловича Хабарова до окольного и воеводы Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского – самостоятельно проследовали. И предки наши, сорванные с обжитых мест там, за Уралом, разными ветрами и судьбами этой транспортной артерией сюда прибыли, иной *лазейки* не было, пока не появился южный путь – *степью*, на самом деле – лесостепью.

Семьдесят километров волоком. А там уже по реке вниз по течению километров пятьдесят, но кто их там и измерял. По Кеми расстояние высчитывается поворотами-*кривунами*, а на Кети – *песками*. Так получается, что пятнадцать *песков*.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА